

УДК 81'26:81(075)
ББК 81.0я73

В.М. Алпатов

ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА И РОДНОЙ ЯЗЫК ЛИНГВИСТА

На материале ряда языков описываются принципы описания языка в разных лингвистических традициях. Различия объясняются, в том числе, тем, что традиции описания языка складывались в разное время в разных языковых ареалах на материале значительно отличающихся по своему строю языков. Особое внимание к каким-либо областям языкознания (и невнимание к другим) также может получить объяснение через различие строя самих языков. Национальные варианты в подходах и концепциях проявляются и внутри европейской традиции. Описываются несовпадения между русской и англоязычной лингвистическими традициями, в том числе семантические несоответствия похожих лингвистических терминов (*phrase* – *фраза*), отсутствие точных эквивалентов у целого ряда английских и русских лингвистических терминов (*phrase* – *словосочетание*), попытки нахождения эквивалента (внедрение в русский лингвистический дискурс термина *клауза* в качестве соответствия англ. *clause*). Подчеркивается связь языкового мышления носителей русского и английского языков со свойствами самих языков – проводится параллель между необходимостью строгого порядка слов в английском языке и необходимостью грамматической оформленности слов в русском языке. Подчеркивается необходимость учитывать тот факт, что родной язык исследователя может влиять на его подходы к языку.

Ключевые слова: лингвистические традиции, части речи, индоевропейские языки, китайский язык, русский язык, японский язык

DOI 10.23683/1995-0640-2017-4-24-35

Алпатов Владимир Михайлович – докт. филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН
Тел.: 499-157-15-18, 495-690-35-85
E-mail: v-alpatov@ivran.ru

© Алпатов В.М., 2017.

Обычно считается, что каждый язык должен описываться на основе некоторых общих принципов, единых для каждого исследователя. Идеальной признается ситуация, когда два разных человека, изучая один и тот же материал, должны получить одинаковые результаты. На самом деле это, конечно, не так. Хотя на основании школьного учебника русского языка может создаться представление о том, что имеется некоторая единая система описания этого языка, но по многим вопросам ученые спорят, существуют разные подходы и альтернативные решения. Разные теоретические концепции могут приводить к разным описаниям фактов, это хорошо известно. Реже обращают внимание на то, как к разным описаниям может приводить, казалось бы, случайный фактор: родной язык лингвиста.

Влияние родного языка было наиболее заметно в самые ранние периоды развития лингвистической науки. Язык начали изучать в разных странах в рамках разных культур. Первые описания языка в Индии появились в середине I тысячелетия до н.э., в античном мире – в III – II вв. до н.э., в Китае – на грани новой эры. Эти традиции сложились независимо друг от друга. У арабов собственная традиция сложилась позже, в VIII в. н.э., в XVII – XIX вв. от китайской традиции отделилась японская.

Каждая из традиций изучала один язык: язык своей культуры. В Индии этот язык назывался *санскрит*, в Китае исследовали древнекитайский письменный язык (*вэньянь*), в арабских странах *клас-*

сический арабский язык, язык Корана, в Японии – японский язык классических памятников (*бунго*). В античном мире языков культуры оказалось два: традиция сложилась (первоначально в египетской Александрии) для изучения *древнегреческого* языка, но уже столетие спустя она перешла в Рим и была применена к *латинскому* языку. Поскольку древнегреческий и латинский языки по своему строю похожи друг на друга, существенных изменений в описании не потребовалось. Впоследствии основные понятия древнегреческих и латинских грамматик были перенесены на другие европейские языки, в том числе и на русский. Многие понятия, которые мы узнаем из школьных учебников русского языка (*слово, предложение, падеж, наклонение, залог, предлог, местоимение* и т.д.), восходят к александрийским и римским грамматикам.

Но если древнегреческий, латинский и даже русский языки достаточно сходны по строю, то арабский или китайский языки не похожи ни на них, ни друг на друга. И хотя во всех традициях можно найти много общего (как есть много общего в любом человеческом языке), но в них бывали и различия, обусловленные, в конечном итоге, особенностями соответствующего языка.

Мы привыкли к тому, что главная часть описания языка – это грамматика, которая делится на морфологию и синтаксис. Так построен школьный учебник русского языка, где к грамматике еще добавлено краткое описание фонетики, а всё лексическое богатство этого языка скорее осваивается в курсе литературы. Но так строились и древнегреческие и латинские лингвистические сочинения, посвященные почти исключительно грамматике. И понятно, почему это происходило. Древние языки индоевропейской семьи (древнегреческий, латинский, санскрит) обладали сложной морфологией, большим числом форм склонения и спряжения. Обучение этим языкам требовало детально освоить всю эту сложность. Некоторые современные индоевропейские языки, в том числе русский, в основном сохранили эту особенность, тогда как другие языки, особенно английский и французский, значительно упростили свою морфологию (на этом я остановлюсь ниже).

И совсем всё иначе в китайской науке. Если для европейских языков толковые словари существуют всего несколько столетий (раньше толковали лишь отдельные, обычно непонятные слова, но не лексику языка в целом), то первые китайские словари появились более двух тысяч лет назад. И в дальнейшем в Китае создавали толковые словари, иногда огромной величины, а вот грамматики не писали; первая грамматика своего языка появилась в Китае в 1898 г., после того как там впервые познакомились с западным языкознанием. И причина понятна: в китайском языке нет ни склонения, ни спряжения. Есть, правда, служебные слова, сопоставимые с нашими предлогами и частицами, но в китайской науке их называли «пустыми словами» и толковали в особых словарях [Яхонтов, 1981].

Еще мы привыкли к тому, что слова делятся по частям речи, а важнейшие части речи – существительное и глагол. Эта традиция также

имеет античное происхождение. Но китайская наука обходилась единственным разграничением «полных слов» и «пустых слов» (приблизительно соответствует нашему различию знаменательных и служебных слов). И никаких имен и глаголов. И действительно, в вэньяне привычные для нас классы слов четко не выражены; наш выдающийся ученый С.А. Старостин считал, что частей речи там вообще не было. Одно и то же слово без каких-либо изменений могло в зависимости от контекста может значить и *бежать*, и *бег*; другое слово может значить и *собака*, и *быть собакой* (в современном китайском языке границы между классами слов стали более заметными), см. также [Алпатов, 2016].

В Японии долго находились под влиянием китайской культуры, что проявлялось и в изучении языка: составляли многотомные словари, а грамматик не было. Но в XVII в. Япония стала закрытой страной, на два с лишним столетия отгородившись от мира, в том числе от Китая, и ученые обратились к собственной культуре. И японская традиция создала грамматику как особый вид описания языка, что было связано с различиями в строе китайского и японского языков. И двумя главными составляющими этих грамматик стали описание японского спряжения (склонения в японском языке нет) и классификация частей речи, в том числе разграничение имени и глагола. Всё это было создано японскими учеными к середине XVIII в. самостоятельно (с западной наукой там познакомились лишь в XIX в.) [Алпатов, 2011, с. 82 – 96].

Еще пример. Хотя мы учим в школе, что слово состоит из корня, приставки, суффикса и окончания, но это разделение появилось в европейской науке о языке сравнительно поздно: не ранее XVI в.; для античных и средневековых грамматистов слово (исключая разве что сложное слово) не делилось на значимые части. Следы старого подхода до сих пор сохранились в привычной для нас терминологии: восходящие к античности термины *склонение*, *спряжение*, *словоизменение* отражают представление о том, что не окончание присоединяется к основе, а изменяется всё слово целиком. Причины традиционного европейского подхода понятны: корень и аффиксы в составе слова в древнегреческом, латинском или русском языке тесно срослись друг с другом, отделить их очень сложно (попробуйте быстро ответить на вопрос: где корень в слове *одежда* ли в слове *обувь*; вряд ли это получится). А вот в арабском языке, в иврите и в других семитских языках корень состоит из двух или трех согласных, внутрь его вставляются гласные, имеющие грамматическое значение (так называемая огласовка), после корня и огласовки могут еще выделяться суффиксы. И арабская традиция (распространившаяся и среди других семитских народов) с самого начала наряду с понятием слова имела в своем распоряжении понятия корня и аффикса, которых в это время ещё не было в Европе. А в европейской науке, по-видимому, корни и аффиксы впервые были выделены в грамматике древнееврейского языка, написанной немецким ученым Иоганном Рейхлином (начало XVI в.). Ее автор консультировался с еврейскими книжниками и перенял от них идею членения слова на значимые части.

Но и освоение другой лингвистической традиции может быть связано с особенностями своего языка. Когда в Японии стала известна западная наука о языке, то было нетрудно сопоставить свою и чужую классификацию частей речи; японцы сохранили уже существовавшую у них систему, добавив к ней ранее отсутствовавшие классы наречий и местоимений. Но европеизация японской культуры происходила во второй половине XIX в., когда на Западе самой активно развивавшейся и престижной областью науки о языке было сравнительно-историческое языкознание, изучение родственных связей языков и реконструкция праязыков. Однако японская наука, в течение последующих полутора столетий легко осваивая все появлявшиеся в Европе и Америке грамматические и фонологические концепции, за этот же период так по-настоящему и не освоила сравнительно-историческое языкознание. Существующие исследования немногочисленны и, с европейской точки зрения, чаще всего показывают недостаточное владение давно разработанными научными методами. Ясно, что дело здесь не в какой-то природной неспособности японцев. Развитие сравнительно-исторического метода облегчалось тем, что индоевропейская семья оказалась для этого исключительно удобной. Языков этой семьи много, среди них есть близкородственные, многие языки уже к XIX в. были хорошо описаны, для разных групп этой семьи существует много древних письменных памятников. А применение метода, выработанного для индоевропейских языков, к японскому языку начало давать реальные результаты лишь в конце XX в.: у этого языка нет «близких родственников». Исходя из японского (а не, скажем, русского или английского) языка как точки отсчета, трудно освоить самый сложный сравнительно-исторический метод.

Но даже в рамках науки, генетически восходящей к античной традиции, имеются различные национальные варианты. Русский вариант окончательно сложился в XVIII в., одним из его создателей был М.В. Ломоносов. Английский, французский, немецкий и другие варианты сложились тогда же или на одно-два столетия раньше. И эти варианты могут проявляться при самых разных теоретических подходах и концепциях.

Приведу пример из собственной практики. Для зарубежного издания я решил перевести на английский язык статью по японской грамматике, ранее уже опубликованную по-русски. В ней важную роль играло разделение слов на *знаменательные* и *служебные*. Перевод этих терминов на английский язык вызвал у меня трудности, и я воспользовался подсказкой словарей, в том числе первый из терминов перевел как *autosemantic words*. В результате статья опубликована не была: от меня потребовали не просто изменить терминологию, но исключить сами понятия, что означало бы написать новую статью. Мы привыкли к такому делению слов на два класса, но в англоязычной лингвистике оно не принято. Несамостоятельные слова иногда обобщенно называют *particles*, но мы привыкли к тому, что этот термин соответствует нашему термину *частица*, т. е. имеет более узкий смысл. Можно ли так называть, напри-

мер, вспомогательный глагол или даже артикль? А для *знаменательного слова* как будто принятого эквивалента и нет. Английская традиция оказывается прямо противоположной китайской традиции, где есть только полные слова и пустые слова, но нет, скажем, существительных и глаголов. А в Японии до европеизации не было вообще термина для *слова* вообще: было два разных обозначения знаменательного слова (*котоба*) и служебного слова (*тэниоха*).

И с несовпадениями между русской и англоязычной традицией сталкиваемся постоянно. Как будто английское *phrase* – то же, что наше *фраза*, но это не так. Для нас фраза – то же, что *предложение* (английское *sentence*), но *phrase* может быть словосочетанием и даже словом. По-русски какое-нибудь *Петя читает интересную книгу* – целая фраза, а ее составные части фразами не являются. Но в составе *sentence* (не *phrase*!) *Peter reads an interesting book* phrases – и *Peter*, и *an interesting book*, и *reads an interesting book* (но не *reads an interesting* или *Peter book*). Русскому *словосочетание* точнее всего соответствует именно *phrase*, но не наоборот: словосочетание не может равняться одному слову. Так что два этих термина точных эквивалентов в другом языке не имеют. И в англоязычной традиции есть еще термин *clause*, он переводится как *предложение*, но это не отдельное *sentence*, а его часть. Термин *clause* близок к русскому *придаточное предложение*, но не до конца с ним совпадает: в сложносочиненном предложении есть несколько *clauses*, но нет ни одного *придаточного предложения*. Наконец, в русской традиции есть еще термин *главное предложение*, не имеющее (как и термин *знаменательное слово*) английского эквивалента.

Таким образом, мы имеем два ряда терминов: английский *sentence* – *clause* – *phrase* и русский: *предложение* (*фраза*) – *словосочетание* – *слово* (в синтаксическом аспекте). Ни один из этих терминов не имеет однозначного соответствия в другом языке. Правда, сейчас в качестве эквивалента английского *clause* у нас появился новый термин *клауза*, но это уже пример переноса идей американской лингвистики на русскую почву.

И дело не просто в терминах. В англоязычной лингвистике структура предложений обычно представляется в рамках так называемой *грамматики составляющих*. Предложение при таком подходе делится на две части: в случае наиболее обычного двусоставного предложения оно делится на составляющие: *nominal group* и *verbal group*: *Peter* – на *Peter* и *reads an interesting book*, если эти составляющие состоят из нескольких слов, они, в свою очередь, делятся на две части, и т.д. (часто разложение на составляющие доводится даже не до уровня слов, а до уровня корней и аффиксов). Такая схема наглядно записывается в виде скобок: в данном примере – (*Peter*) (*reads* (*an* (*interesting book*))). Слова внутри каждой пары скобок синтаксически связаны между собой.

Мы к такому представлению предложения не привыкли. В школе мы привыкли к иному подходу, называемому в науке *грамматикой зависимостей*. Если составляющие могут иметь разную структуру (ср.

понятие *phrase*), то при данной трактовке предложение признается состоящим из слов. В предложении выделяется главное слово (таким словом одни лингвисты считают подлежащее, другие – сказуемое, но суть подхода от этого не меняется). Допустим, главное слово – подлежащее (*Петя*), от него проводится стрелка к зависимому от него сказуемому (*читает*), от него к зависимому дополнению, и т.д. Стрелки занимают место скобок в другом представлении. В западной науке стрелочное представление синтаксических структур именуют «графами Теньера» по имени французского лингвиста Люсьена Теньера (1893 – 1954). Он был одновременно лингвистом-теоретиком и специалистом по русскому языку и в книге «Основы теории синтаксиса» [Теньер, 1988] использовал подход, известный ему по русским работам. Лишь после этого он стал известен и на Западе.

Каждый из подходов имеет свои преимущества и недостатки [Тестелец, 2001, с. 145 – 150], среди которых отмечу лишь одну проблему. Выше приведены соответствующие друг другу (с точностью до артикля) английский и русский примеры, между которыми есть принципиальное различие: в русском примере мы можем как угодно переставлять слова: *Интересную Петя читает книгу, Интересную Петя книгу читает, Книгу читает Петя интересную* и т.д., но в английском примере переставить слова нельзя. Грамматика зависимостей принципиально не меняется при любом изменении порядка слов, но грамматика составляющих исходит из того, что при каждом членении на составляющие выделяется непрерывная последовательность. В случае нестандартного порядка слов в русском языке применение грамматики составляющих связано с дополнительными трудностями, которых нет при ее применении к английскому языку. В этом проявляется различие строя языков, на что много лет назад мое внимание обратил талантливый лингвист А.Н. Журинский (1938 – 1991).

Для носителя русского языка синтаксические связи – это, прежде всего, согласование и управление, выраженные изменением тех или иных слов. Порядок может иногда влиять на установление этих связей (ср. *Педагог с указкой в руках* и *Педагог в руках с указкой*), но это – сравнительно редкое явление. Такое представление естественно выражается и в том, что компонентами предложения признаются слова. Но носитель английского языка часто не находит опоры в формах слов, тогда как порядок для него почти всегда важен, а синтаксически связанные компоненты должны и стоять рядом. Поэтому русская традиция пошла по линии грамматики зависимостей, а англоязычная – по пути грамматики составляющих. Конечно, здесь нет жесткой зависимости: Л. Теньер был носителем французского языка, по строю близкого к английскому, но по теоретическим соображениям принял иной тип грамматики.

В современной лингвистике самой, пожалуй, знаменитой фразой (не *phrase!*) стал пример, придуманный в 1957 г. прославленным американским лингвистом Н. Хомским: *Colorless green ideas sleep furiously*. На русский язык она дословно переводится как *Бесцветные зеленые идеи спят*

яростно (более нейтральный вариант перевода требует переставить два последних слова). Это пример грамматически правильного предложения (тогда как его осмысленность проблематична). Но Хомский тут же привел и пример грамматически неправильного предложения; для этого он взял то же предложение и расположил слова наоборот, от последнего к первому. Однако для русского языка так поступить невозможно: при любом порядке это предложение останется грамматически правильным, хотя часть предложений может казаться неестественными. Зато легко сделать предложение грамматически неправильным, например, заменив *спят* на *спит*. Кстати, так же мог бы поступить и Хомский, заменив, например, *sleep* на *sleeps*. Но, по-видимому, для носителя английского языка стандартное нарушение правильности связано с нарушением порядка, а для носителя русского языка с нарушением правил согласования и управления.

Носителям русского языка «нормальное слово» представляется как грамматически оформленное, включающее в свой состав не только корень, но и окончание, входящее в одну парадигму с другими формами того же слова. Неоформленные слова бывают (наречия, междометия и др.), но как исключение, а не как правило. Эти представления постоянно отражаются в русской грамматической традиции. Но не надо думать, что те же представления имеются и у людей (в том числе лингвистов), для которых родной язык иной. И это касается не только китайцев или арабов. Любопытные рассуждения можно найти у крупного французского лингвиста Антуана Мейе (1866 – 1936) в книге «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» (первое издание – 1903).

Рассматривая грамматический строй древних индоевропейских языков: древнегреческого, латинского (эти черты он переносил и на индоевропейский праязык), Мейе пишет: «Индоевропейский морфологический тип был чрезвычайно своеобразен и вместе с тем крайне сложен. Слово являлось в нем лишь в сочетании со словоизменятельными элементами». Если французское *loup* ‘волк’ – «отчетливое» слово, то в латинском языке ему соответствует целая «совокупность форм»: *lupus* (именительный падеж ед.ч.), *lup* (родительный падеж ед.ч.), *lup* (дательный падеж ед.ч.), *lupum* (винительный падеж ед.ч.) и т.д. Мейе приходит к выводу: «Нет ничего менее ясного, чем подобный прием». «Все индоевропейские языки... обнаружили склонность упростить или даже вовсе упразднить словоизменение и довольствоваться словами как можно менее изменяемыми, а в конце концов и вовсе неизменяемыми» [Мейе, 1938, с. 426 – 427].

То есть латинский тип требовал уже для французского читателя специального объяснения и характеризовался как «своеобразный», «сложный» и «неясный». Автор примечаний к русскому изданию этой книги Р.О. Шор справедливо указывала, что понимание структуры слова в древних языках «с точки зрения русского языка» «затруднений не представляет» [Мейе, 1938, с. 500]. То есть для французского специалиста начала XX в. естественные для носителя русского языка представле-

ния о слове уже казались экзотикой. Для него (как, вероятно, и для англоязычных специалистов) «нормальное» слово неизменяемо и формы не имеет. Во времена А. Мейе само понятие слова в западной науке еще не подвергалось сомнению, но в XX в. там пошли еще дальше и стали вообще обходиться без понятия слова (по крайней мере, как обязательного). Выше уже упоминалось, что грамматика составляющих может разлагать структуру предложения вплоть до корней и аффиксов, а понятие *phrase* стирает очень существенное для русской традиции различие между словом и словосочетанием. Некоторые современные западные ученые предлагают перестать разграничивать морфологию и синтаксис, объединив их в единый морфосинтаксис. Но в отечественной науке такой подход не получил распространения, скорее всего, из-за интуитивной неприемлемости.

Но больше всего различия (чаще всего неосознанные), обусловленные строем родного языка, проявляются при изучении чужих языков, особенно далеких от родного языка по строю. Для русского, английского или французского языка существует традиция, к которой всегда можно прибегнуть в спорных случаях. Например, если неясно, как проводить границы слов, то можно положиться на традиции слитного или раздельного написания. Труднее это сделать для бесписьменных языков или для языков, где письменность обходится без пробела (японский, китайский и др.). Посмотрим, как естественные для носителей тех или иных языков представления влияли на трактовки некоторых явлений японского языка.

Я уже упоминал, что японская традиция, выделяя глагольное спряжение, не находила у себя склонения; при разграничении имени и глагола они, помимо значения, противопоставлялись тем, что глаголы изменяются, а имена нет. Присоединяемые к именам грамматические показатели, в том числе имеющие значение, в индоевропейских языках выражаемое падежами, считались отдельными служебными словами (*тэниоха*). В Европе и Америке японский язык систематически начал изучаться лишь со второй половины XIX в., после открытия Японии. И трактовка приименных служебных элементов как отдельных слов (*particles, postpositions*) в западной японистике сразу была воспринята как естественная и уже более столетия не подвергалась сомнению; она не мешала говорить о существовании падежей в японском языке.

Иная ситуация сложилась в отечественной японистике. В самых ранних работах пересказывались идеи западных грамматик японского языка, но первый у нас оригинальный исследователь этого языка Е.Д. Поливанов (1891 – 1938) в 1917 г. [Поливанов, 1917], а затем более подробно в грамматике 1930 г. [Плетнер, Поливанов, 1930, с. XIX – XX] выдвинул идею об именном словоизменении, в том числе падежном. Он выделил для японского языка «суффиксы склонения», в том числе суффиксы именительного, винительного, родительного, дательного и др. падежей. Эта точка зрения в 1920 – 1950-х гг. преобладала в советской японистике.

Главными аргументами Е.Д. Поливанова были синтаксическая несамостоятельность «суффиксов склонения» (неспособность употребляться отдельно) и их фонетическая несамостоятельность (невозможность отдельного ударения). Но сам Е.Д. Поливанов признавал, что этими же чертами обладают, например, русские предлоги (с отдельными исключениями вроде *без*). Тем не менее, он не делал вывода о том, что для русского языка предлоги надо считать аффиксами. Получалось, что для русского и японского языка одни и те же критерии работают по-разному. Зато при данном подходе и в японском языке «слово являлось в сочетании со словоизменительными элементами» (хотя в нем имена часто выступают без всяких таких элементов), что хорошо согласовывалось с интуицией носителя русского языка и с привычными для русистики трактовками. В русской традиции принято признавать падеж и любую другую грамматическую категорию лишь тогда, когда хотя бы часть ее значений выражается внутри слова (поэтому, например, не принято говорить о грамматических категориях, выражаемых предлогами). Поэтому, следуя этой традиции, говорить о японских падежах можно, лишь признавая в этом языке падежное словоизменение. Поэтому именно в России такая точка зрения получила распространение. Однако с 60-х гг. XX в. она всё-таки была отвергнута. Лучше дать более универсальное определение грамматической категории, не требующее обязательного ее выражения внутри слова, чем подгонять описание японского языка под описание русского языка.

Не надо, однако, думать, что такая подгонка может происходить лишь под влиянием строя языков вроде русского: влияние языков вроде английского тоже может исказить картину. Последний пример, который я приведу, тоже относится к японскому языку, но не к грамматике, а к фонетике.

Возможно, кто-то из вас обращал внимание на вариативность в русском языке в словах, заимствованных из японского языка: гора *Фудзи*, но фотопленка *Фуджи*, название фирмы *Хитати* и *Хитачи* (но одноименное название города – кажется, только *Хитати*), названия блюд японского происхождения передаются то как *суши* и *сашими*, то реже как *суси* и *сасими* (но в японско-русских словарях даны именно последние варианты). Фамилию выступающей за России фигуристки из Японии сначала передавали как *Кавагучи*, потом как *Кавагүти*. В чём тут дело?

Дело в том, что и в русском, и в японском языках существует хорошо нам известное противопоставление мягких и твердых (или, выражаясь научным языком, палатализованных и непалатализованных) согласных. Впервые в японском языке его именно как различие по твердости и мягкости охарактеризовал тот же Е.Д. Поливанов [Плетнер, Поливанов, 1930, с. 149], только на этот раз влияние русского языка толкало его в правильном направлении. Поливанову принадлежит и до сих пор используемая кириллическая транскрипция японских слов, где данное звуковое различие передается так же, как это принято в русском языке: *каку* ‘каждый’ – *кяку* ‘гость’, *гофу* ‘амулет’ – *гёфу* ‘рыбак’ и т.д. Перед

и возможны только мягкие согласные. Мягкие *с, т, дз* произносятся не только с палатализацией, но и с более задней («шепелявой») артикуляцией, на слух это что-то среднее между соответственно мягкими *с, т, дз* и мягкими *ш, ч, дж*. Е.Д. Поливанов исходил из того, что противопоставление по твердости – мягкости охватывает всю систему языка и является различительным признаком, а шепелявость – дополнительный признак, который на письме можно не обозначать. Отсюда написания, которые в давно известных словах вроде *Хиросима, дзюдо* устойчиво сохраняются, а в словах, приобретших актуальность недавно, могут вытесняться иными написаниями, хотя в изданиях, подготовленных специалистами-японистами, например, в словарях, они сохраняются.

Противопоставление согласных по твердости-мягкости может встретиться в самых разных языках, но все-таки оно отсутствует в большинстве языков, в том числе, в языках Западной Европы (или существует ограниченно, например, только для твердого и мягкого *l*). Поэтому западные, в том числе англоязычные японисты, не слышат это различие в японской речи, воспринимая «шепелявые звуки» как звуки, отличающиеся только этим признаком, а прочие мягкие звуки как сочетания с *й* (йотом). Это отразилось и в наиболее распространенной латинской транскрипции, созданной американским миссионером Хэпбёрном еще в XIX в. Там звуки, передаваемые в транскрипции Поливанова как *сь, ть, дзь*, записываются как *sh, ch, j*, а *кяку, гёфу* транскрибируются как *kyaku, gyofu*. Отсюда и столь распространенные у нас в последнее время написания вроде *Хитачи, суши*. Они показывают, что соответствующие слова пришли к нам не столько из японского, сколько из английского языка. Подход Е.Д. Поливанова описывает явления японского языка в единой системе и более научен, он не требует считать, что в слогах вроде *ja* два звука, а в точно так же устроенных слогах вроде *kyu* три. Но английский язык у нас известен много лучше японского, поэтому бороться с таким написаниями трудно.

Итак, тот достаточно случайный факт, что у одних лингвистов родной язык русский, у других английский, у третьих японский, может влиять на те или иные подходы к языку. Он может наталкивать на правильные решения, но может и мешать. И следует это учитывать.

Литература

Алтатов В.М. Языковая культура // История японской культуры. М., 2011. С. 66 – 89.

Алтатов В.М. Части речи как лингвистические классы // Изв. Южного федерального университета. Филол. науки. 2016. № 2. С. 68 – 90.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / под ред. и с примеч. Р.О. Шор. М., 1938.

Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930.

Поливанов Е.Д. Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. Пг., 1917.

- Теньер Л. Основы теории синтаксиса. М., 1988.
 Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
 Яхонтов С.Е. История языкознания в Китае (XI – XIX вв.) // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.

References

- Alpatov V.M. Yazykovaya kul'tura. *Istoriya yaponskoy kul'tury*. M., 2011, pp. 66-89. (In Russian)
 Alpatov V.M. Chasti rechi kak lingvisticheskiye klassy. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filol. nauki*, 2016, no 2 pp. 68-90. (In Russian)
 Meie A. *Vvedeniye v sravnitel'noye izucheniye indoevropskikh yazykov*. Pod redaktsiei i s primechaniyami R.O. Shor. M., 1938. (In Russian)
 Pletner O.V., Polivanov E.D. *Grammatika yaponskogo razgovornogo yazyka*. M., 1930. (In Russian)
 Polivanov E.D. *Psikhofoneticheskiye nablyudeniya nad yaponskimi dialektami*. Pg., 1917. (In Russian)
 Ten'er L. *Osnovy teorii sintaksisa*. M., 1988. (In Russian)
 Testelets Ya.G. *Vvedeniye v obshchiy sintaksis*. M., 2001. (In Russian)
 Yakhontov S.E. *Istoriya yazykoznaneya v Kitaye (XI – XIX vv.)*. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Srednevekovyy Vostok*. L., 1981. (In Russian)

Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russian Federation)

Language Description and Mother Tongue of the Linguist

On the material of a number of languages it is presented the principles of describing the language in different linguistic traditions. The differences are explained, among other things, by the fact that the traditions of describing the language developed at different times in different linguistic areas on a material of languages that differed significantly in their structure. Particular attention to some areas of linguistics (and inattention to others) can also be explained by the difference in the structure of the languages themselves. Chinese has a poor morphology, but in ancient Greek and Latin it is very rich. In China, grammar was not written, but many dictionaries were written, and in Europe antiquity was primarily concerned with the task of describing grammar. The areas of linguistics that have a priority in their development in one linguistic area may not be considered as priorities in another linguistic area. Thus, to comparative-historical linguistics, focused primarily on the establishment of family ties of languages and the reconstruction of the proto-languages, the developed area in European linguistics, in Japan, for an extended period, there was no intrinsic interest. The comparative-historical method developed within the European tradition was stimulated by the presence of linguistically relevant material of numerous genetically related Indo-European languages. National variants in approaches and concepts also appear in directions of linguistics, dating back to the ancient tradition. The discrepancies between Russian and English linguistic traditions are described, including the semantic inconsistencies of similar linguistic terms (phrase), the absence of exact equivalents in a number of English and Russian linguistic terms (phrase), attempts to find an equivalent

(introduction of the term in Russian linguistic discourse clause as a match of the English clause). The connection between the linguistic thinking of native speakers of Russian and English languages is emphasized with the properties of the languages themselves – a parallel is drawn between the need for a strict order of words in the English language and the need for grammatical wording in the Russian language. It is pointed out that in connection with the absence of word-change by modern Western science, it is proposed to combine morphology and syntax into a single whole – morphosyntax. This approach in domestic science is not widespread and is intuitively rejected. Difficulties are described with the definition of the boundaries of words in the study of languages that differ significantly from European ones in their structure and graphics. The influence of the native language is manifested even in the transcription of sounds: the English transcription for the Japanese language differs from the Russian in this regard; where Russians notice the opposition in hardness-softness, English speakers hear something else. It is emphasized the need to take into account the fact that the native language of the researcher can influence his approaches to language.

Key words: *linguistic traditions, parts of speech, Indo-European languages, Chinese, Russian, Japanese.*

Vladimir M. Alpatov – Ph. D. of philology, professor, member-correspondent of RAS. Institute of linguistics RAS. Phone: 499-157-15-18; e-mail: v-alpatov@ivran.ru